

— Получили сведения, что впереди, должно быть, остался последний клочок земли. С учетом времени на дорогу туда и обратно, твой папаша уже должен возвращаться, — Ху Чэ пнул толстого кролика ногой. Муфта лишь перевернулся на другой бок и продолжил спать, словно мертвый пес. — Куда же ты так задираешься?

Сейчас дел было немного, поэтому Линь Дань зашел в дом, взял гребень, которым Муфта пользовался для ухода, и вышел, чтобы расчесать ему шерсть.

— Хорошо, что папаша вернулся, есть кое-что, что он мог бы мне подсказать. Матушка прислала письмо, говорит, что вернется только после осеннего сбора урожая.

У мужчин и женщин разные взгляды на вещи. Его бабушка и тетушки целыми днями ломают голову над узорами для вышивки. С его точки зрения, если узор несет в себе пожелание удачи и не вступает в конфликт с энергетикой двоих, то какой разницы? К тому же, праздничных узоров всего несколько видов, о чем тут спорить?

Он продолжал расчесывать шерсть, попутно рассуждая. Муфта, очевидно, уже привык к такому обращению: он сам подставлял лапу, переворачивался, а иногда даже указывал на места, которые остались нерасчесанными.

На землю быстро посыпалась куча кроличьей шерсти и семян травы.

Глядя на это, Ху Чэ почувствовал укол зависти и не удержался от ворчания:

— Ты мне даже волосы не расчесывал.

Он посмотрел на то, с каким наслаждением валялся этот проклятый кролик! Чтобы расчесать его шерсть, требовалось целых три гребня.

— В такую жару, может, просто всю шерсть сбрить?

Муфта был крайне чувствителен к слову «брить». Услышав его, он тут же подскочил и начал яростно бить задними лапами в сторону Ху Чэ, словно всюю желая вступить с ним в схватку. Однако стоило Линь Даню мягко прижать его ладонью, как кролик тут же с комфортом растянулся на животе. Если бы он не был таким толстым, то, пожалуй, превратился бы в мягкую кроличью шкурку.

— Не задирай его, — Линь Дань маленьким гребнем распутывал сбившиеся клочки шерсти и застрявшие семена, затем медленно проходил средним гребнем, и, наконец, завершил процесс большим, прочесывая всё целиком. К тому моменту, как он закончил, прошло почти полчаса.

Линь Дань осмотрел семена травы и убедился, что такие растения не растут в их поместье. Он слегка сжал лапку Муфты и с сомнением произнес:

— И где же ты умудрился вырыть такие норы?

Неужели Муфта прорыл для их семьи тайный ход? Разве это под силу одному кролику?

Ху Чэ тоже заметил семена, но понимал в этом меньше, чем Линь Дань, поэтому лишь недоуменно спросил:

— Не может же он вырыть их за пределами города?

Кто знает... Линь Дань промолчал. В городе тоже хватало заросших сорняками мест. Однако в городе слишком много людей, а Муфта, будучи трусливым как мышь кроликом, вряд ли стал бы так беззаботно набивать шерсть семенами — ему бы пришлось прятаться от каждого шороха.

Хотя Муфта был умнее обычных кроликов и понимал несколько человеческих фраз, его хозяину не хватало сообразительности, чтобы понимать язык кроликов. Даже если бы тот пискнул что-то осмысленное, хозяин всё равно бы не понял.

Линь Дань не стал развивать эту тему. В конце концов, кроличьи норы, если их не расширять, позволяют пройти разве что ребенку трех-четырех лет. Взрослый, конечно, может пролезть, но ползком, а ни один здравомыслящий взрослый не станет без дела лазить по кроличьим норам. Хотя норы, которые вырывал Муфта, были не совсем похожи на обычные кроличьи...

— Если будешь снова так бегать, тебя поймают и съедят!

Муфта перевернулся и продолжил спать. Линь Дань прикинул время и вдруг почувствовал неладное. Он спросил Ху Чэ:

— Сколько времени прошло? Почему никого нет?

В последнее время его двор был самым оживленным в доме. И хотя люди не заходили сюда ежеминутно, то, что за целый час никто не переступил порог, явно было ненормально.

Ху Чэ поднялся:

— Посиди здесь, я выйду, посмотрю.

Находясь во дворе Линь Даня, он не замечал ничего особенного. Двор был просторным, а учитывая, что Линь Дань считался болезненным человеком, чье здоровье требовало постоянного восстановления с помощью лекарств и диеты, слуги подсознательно старались ходить здесь тихо, чтобы не тревожить его.

Однако снаружи, хоть и не было шума, тишина была подозрительной. Сейчас Ху Чэ почти не слышал человеческих голосов, и по пути не встретил даже подметающего слугу.

Бабушка Линь сидела в главном зале с суровым лицом, сжимая в руках записку. Слуги во внутреннем дворе были под присмотром и стояли вместе.

Заметив Ху Чэ, Линь Ин прошептала:

— Седьмого дядю подали в обвинение. Дедушку вызвал император для допроса, он прислал записку, что не сможет вернуться еще несколько дней.

Ху Чэ приподнял бровь:

— Седьмой дядя Линь? Из-за чего?

Поскольку Линь Хэчэн был отцом Линь Даньдана в его прошлой жизни и его «папашей» в этой, Ху Чэ, разумеется, успел изучить его личность. К тому же в кругах столичных повес Линь Хэчэн держался весьма неплохо. Хотя он и не пошел на государственную службу, он явно не был чужим в чиновничьих делах, имел хорошие связи с некоторыми чиновниками и обладал недюжинной хваткой. Как же его могли обвинить?

У Линь Хэчэна не было официальных званий, поэтому для высокопоставленных чиновников он

был лишь мелкой сошкой, а может, и вовсе никем.

Если провести не совсем точную аналогию: эти люди были важными господами с высоким статусом, а Линь Хэчэн — лишь озорным ребенком. Как бы ни капризничал ребенок в семье коллеги, его вряд ли стали бы использовать как повод для политических разбирательств. К тому же семьи не всегда были монолитными — у кого нет непоседливого ребенка? Выдвинуть обвинение против Линь Хэчэна было нарушением устоявшихся правил.

Конечно, очевидно было, что обвинение против Линь Хэчэна — лишь предлог, а истинная цель — задеть его отца, Линь Юнчана.

Услышав ответ Линь Ин, Ху Чэ на мгновение опешил и переспросил:

— Из-за чего именно?

Пусть Линь Хэчэн и был повесой, его пороки ограничивались лишь нежеланием учиться и любовью к азартным играм — скачкам и травле животных. Он занимался делами, которые в благородных семьях считались низменными, достойными лишь торговцев, но он не был из тех, кто обкрадывает бедных или похищает женщин. По сравнению с другими бездельниками, он был весьма приличным человеком.

К сожалению, Линь Ин тоже не знала подробностей. Она покачала головой:

— Не знаю.

Его вырвали прямо из кабинета, когда он решал задачи, и он узнал лишь в дороге от своего второго брата.

Судя по тому, как вела себя бабушка Линь, трудно было сказать, к чему все это приведет.

Бабушка Линь хорошенько отчитала слуг и отпустила их, после чего собрала всю семью в комнате.

— Седьмой купил заброшенные земли на Северных землях, и его подали в обвинение, — объявила она.

Дедушка Линь сейчас был задержан во дворце, второй и третий сыновья были в разъездах, так что в доме остались лишь старики, женщины и дети, и всех их собрали вместе.

В комнате не было посторонних, и даже Ху Чэ вот-вот должен был стать «своим». Более того, Ху Чэ казался куда более надежным, чем младшие члены семьи. Вообще, по этому делу следовало позвать Линь Даня, но его состояние держали в строгом секрете; лишь дедушка Линь и старший дядя Линь знали истинную правду.

Остальные, включая бабушку Линь, были введены в заблуждение. Множество врачей твердили, что Линь Даню нужен покой и нельзя перенапрягать организм. Бабушка Линь, хоть и не видела явных признаков болезни у внука, предпочитала верить врачам и строго запрещала беспокоить его. Теперь, увидев Ху Чэ, она почувствовала легкое облегчение. Хоть у ее внука и была громкая репутация, за каждым его успехом стоял след Ху Чэ. Если бы не способности Ху Чэ, даже если бы Линь Дань навсегда оставил путь чиновника, семья Линь не решилась бы так легко породниться с ним.

Захват земель под пашню был делом, которое в Династии Великая Шан делали почти все

зажиточные семьи.

Однако на земли Северных земель никто не обращал особого внимания. Кроме нескольких конных пастбищ, управляемых двором, люди не спешили покупать там участки. И неважно, что Линь Хэчэн купил именно заброшенные земли — даже если бы он купил плодородные поля, что бы изменилось? Законы Великой Шан не запрещали простым людям торговать землей; если налоги уплачены в полном объеме, неужели кто-то другой посмеет вмешаться?

<http://bllate.org/book/17701/1652758>